182 395.
182 395
16.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА · № 5

А. М. КАЛМЫКОВА

МИРОВАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК УЧИТЕЛЬ ЖИЗНИ ЮНЫХ ПОКОЛЕНИЙ XX ВЕКА

ПЕТРОГРАД
1920

БИБЛИОТЕКА 191-й ШКОЛЫ
Инвентарь № 5308
Отдел № 9
По отделу № 13
182/395

А. М. КАЛМЫКОВА

МИРОВАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК УЧИТЕЛЬ ЖИЗНИ ЮНЫХ ПОКОЛЕНИЙ XX ВЕКА

Культурно-просветительное кооперативное товарищество
«НАЧАТКИ ЗНАНИЙ»
ПЕТРОГРАД

Р. С. Ф. С. Р.
191
Советская единая трудовая школа

ПЕТРОГРАД
1920

Четвертая Государственная типография, Фонтанка, 57.

ПОСВЯЩАЮ РАБОТАЮЩИМ В ДЕТСКИХ БИБЛИОТЕКАХ, РУКОВОДЯЩИМ ЧТЕНИЕМ ДЕТЕЙ.

Мировая художественная литература, как учитель жизни юных поколений XX-г века.

„Культирование поэзии наиболее желательно именно в те периоды, когда благодаря злоупотреблениям принципа своекорыстных интересов и рассчета, накопление элементов внешней жизни превышает наличность способности ассимилировать их путем применения к вечным законам человеческой природы".

„Поэты всепроникающим захватывающим духом измеряют границы и глубины человеческой природы"... „Они стекла зеркал, отражающих гигантские тени, которые грядущее, приближаясь, бросает на настоящее"...

„Поэты—непризнанные законодатели мира".

Шелли.

Еще недавно мы были убеждены в значении для воспитания лишь того, что познается умом, усваивается сразу удобопонятным толкованием воспитателей. Теперь на смену этому убеждению, вернее как важное дополнение к нему, явилось: признание могущества процессов в области подсознательного, значение эмоций, настроений, переживаний, даваемых впечатлениями от всякого рода художественных произведений и красоты, улавливаемой в самой жизни, в окружающей природе,—признание длительности процесса роста мысли понятий, чувств, процесса, совершающагося до известной ступени, вне пределов сознания.

В последнее время много и убедительно говорят нам об этом в своих трудах ученые педагоги и не менее важным источником сведений должны признаваться свидетельства писателей-художников.

Драгоценные указания о душевной жизни в ранние детские и отроческие годы мы находим в книге «История моего современника» Вл. Короленко, еще недостаточно оцененной и родителями и воспитателями. О ней сам автор, каждому слову которого мы привыкли безусловно верить, говорит: «здесь не будет ничего, что мне не встречалось в действительности, чего я не испытал, не чувствовал, не видел». И свидетельствует он нам: о том, как случайно дошедшие до слуха ребенка слова взрослых падают на душу семенами будущих мыслей (стр. 34); о словах, являющихся гораздо ранее, чем их значение (стр. 44); о том как он шестилетний сидел на крыльце, глядел на небо и думал без слов;—о мистическом страхе «того света», навеянном сказками, поверьями (стр. 54);—о вере в нечистую силу более ранней, чем вера в Бога (стр. 55);—о силе и живучести вынесенного из чтения первой большой повести, которую начал читать почти по складам и заинтересовавшись дочел до конца уже довольно бегло (стр. 104—106);—о сильном впечатлении от первого посещения театра, от исторической драмы, содержание которой было им плохо понято и от которой тем не менее загнездилось в душе романтическое чувство прошлого, первые проблески того, что принято обозначать словами—национальное самосознание (стр. 134).

Каким откровением должны быть для нас строки о том, как душа 4-х летнего ребенка разбирается в реальном и воображаемом и чему отдает предпочтение и почему: «На следующее утро я с увлечением рассказывал матери, что вчера, когда ее не было, к нам приходил вор, которого мы с Гандылом крепко побили. Я знал, что никакого вора не было, что мать это знает. Но я очень любил мать в эту минуту за то, что мне не противоречит. Мне было бы тяжело отказаться от того воображаемого существа, которого я сначала боялся, а потом положительно чувствовал при странном лунном сиянии между моей палкой и ступенькой лестницы. Это не была зрительная галлюцинация, но было какое то упоение от своей победы над страхом» (стр. 7). Вот какова таинственная сила детских эмоций, вот почему влечет их воображаемое. Немногие выдержки из «Истории моего современника» убедительно говорят о том, каким учителем может быть эта книга для всех, решающихся подойти к таинственному миру, каким является душа каждого ребенка.

В последние годы русская литература обогатилась еще двумя человеческими документами—автобиографическими воспоминаниями Максима Горького, вышедшими под заглавиями—«Детство» и «В людях». Они свидетельствуют о том, как богато одаренный

ребенок под перекрестным огнем впечатлений от окружающей жестокой действительности и светлых лучей от образов русской и иностранной художественной литературы одиноко, мучительно, быстро и неуклонно поднимался со дна современной социальной жизни до высот творчества мирового писателя-художника.

Признав такую самостоятельную работу детской и отроческой души, не умаляем ли мы до последней степени значение нашего собственного влияния на воспитаемых? Нисколько. Мы должны признать его лишь углубленным и осложненным, возведенным на более высокую ступень ответственности. Ведь за нами остается руководительство чтением, выбора тех художественных образов, которые должны дать воспитаемым наиболее сильные и яркие нужные им для умственного и нравственного роста переживания.

Перед нами задача огромной важности, требующая от нас огромной интенсивной предварительной работы — переоценки, проверки всего запаса мыслей и чувств нашей собственной души. И как рано должны мы в жизни каждого из воспитываемых начинать облегчать доступ образам тех творцов-художников, которые «всепроникающим духом измеряют границы и глубины человеческой природы». «Рассказывая ребенку сказку», говорит американский педагог Партридж,—«вы воспитываете в нем глубокие желания. Ребенок, реагируя, не только выражает удовольствие, а делает оценку, выбор предпочитаемого. Каждым настроением, ощущением, впечатлением он возводит постройку своего внутреннего мира. Из этих ощущений сложатся идеалы и ценности всей его жизни, а также те настроения и чувства, которые составляют основу характера и придают нашему существованию глубокий смысл» [1]).

Наша русская литература для детей и юношества очень богата, как потому, что мы до самого последнего времени пользовались безданно беспошлинно правом заимствования и перевода произведений иностранных авторов, писателей любой страны, делали это умело, выбирая лучшее, так и потому, что ни в какой другой стране большие писатели не давали для детской литературы столько, сколько ей дали и дают наши русские писатели. Нам остается еще немного поработать, чтобы иметь право сказать, что всемирная художественная литература в той части, которая доступна читателям в годы детства и отрочества, у нас пред-

---

[1]) Партридж. Как и что рассказывать детям. М. Изд. Т-ва Мир. 1917 г. Ц. 4 р. 25 к.

ставлена в должной полноте. Да и теперь уже богатства детской литературы у нас неисчерпаемы. Этому можно и должно радоваться в интересах детей, но нельзя в то же время не сознавать, что если не смотреть на это изобилие лишь как на средство отвлечения от шалостей, как на средство развлечения в часы досуга и скуки, то есть в этом богатстве над чем задуматься. Мы открыли пред детьми страницы громадной книги, на которых занесены видения, думы, деяния, желания, грезы человечества от времен незапамятных до наших дней. Мы, взрослые, читаем эти страницы по порядку, воспринимая их содержание в последовательности, устанавливаемой ходом мировой человеческой жизни, в порядке преемственности культурных ступеней. Для нас взрослых каждый век, каждый период исторической жизни в творчестве сынов своих выявляет ту часть правды истины и правды справедливости, какую дано было познать детям века того. А детям нашим листы великой книги попадают в руки отдельными разрозненными страницами в последовательности, обусловленной случайным нахождением той или иной книги в библиотеке или книжном магазине.

И кого только тут не видит, кого только не слышит насторожившаяся детская душа. В сказке, сказании, легенде, былине, песне, в героическом эпосе, историческом романе с детьми говорят и современные дикари полярных пустынь и жарких дебрей тропиков; — далекие дикие предки всех теперешних культурных народов и в их числе предки родного далекого прошлого. Говорят мудрецы, пророки древнего Востока, Иудеи, Индии; —небожители Азгарды суровых скандинавов и боги Олимпа, герои светлой Эллады. Говорят упоенные небесной правдой проповедники, мученики первых веков Христианства и духовные пастыри мрачного средневековья. Дети с увлечением участвуют в войнах древнего мира, в битвах времен нашествия варваров, в похождениях благородных рыцарей Круглого Стола короля Артура, в походах крестоносцев и Тараса Бульбы, в кулачных боях Иоанна Грозного. Переживают и Смутное Время, и нашествие Наполеона с двунадесятью языками и освободительные войны—за человеческие права черных соплеменников Дяди Тома, за свободу и независимость Италии в отрядах Гарибальдийцев.

Какое перед читателями многообразие представителей человечества, какая противоречивость в мировоззрении различных веков, какое различие в целях, ставимых историческою жизнью героям и толпе. Можем ли мы, взрослые, не задавать себе вопроса как разбираются юные читатели нашего времени в обширном

материале—подавляющем, умиляющем, тревожащем, увлекающем. Знаем ли мы, как они разбираются в нем? Положа руку на сердце, мы должны искренно признаться, что не знаем.

Встревоженных из нас может успокоить сознание, что в многообразии и противоречивости образов художественной литературы все же есть единство, которое постепенно будет открываться читателям в глубине их душевных переживаний, ибо в образах истинного художественного творчества ими будет чувствоваться непрерывный рост человеческих идеалов. Нас взрослых могло бы вполне успокоить это убеждение, но мы не должны забывать, что современная детская литература, большая часть ее, составлена и составляется из произведений совершенно иного творчества, а именно—писательства для детей, авторов весьма различных дарований и мировоззрений. Ими вносятся в детскую литературу отголоски иной области: резкие, назойливые звуки злободневной действительности, образы неверные, лживые, но в свете текущего дня привлекающие внимание, более того—увлекающие.

Можно с уверенностью сказать, что эта вторая часть детской литературы читается больше, чем первая, уж по одному тому, что она чаще попадает в руки детей, благодаря нашей собственной неразборчивости, попадает в виде книг, даримых родственниками и знакомыми, благодаря тому, что в большем количестве находится на книжном рынке, в наиболее доступных детям книжных лавках, что к стыду нашему преобладает в школьных и платных детских библиотеках. Да, читается она и оставляет очень заметный неизгладимый след — привычку к легкому чтению,—нерасположение к чтению, требующему большего напряжения и вдумчивости, каким является чтение произведений художественной литературы.

И вот почему, если бы к нам явился с какой-либо другой планеты вдумчивый наблюдатель, он, ознакомившись с нашей современной литературой для детей, должен бы был нам сказать: «смотрю и понять не могу по книгам, которые вижу в руках ваших детей, во что вы сами веруете, к каким высшим духовным ценностям стремитесь, чему служите, что проповедуете детям своим, куда их зовете, направляете?» У многих ли из нас нашелся бы готовый, серьезно продуманный ответ этому любознательному строгому гостю? Над таким ответом стоит поработать мысленно и для себя самих.

Даже и для детей—читателей, поставленных истинно-художественными образами мировой литературы на магистральный

путь эволюции жизни, могут выростать в иные моменты исторической жизни трудно преодолеваемые преграды. Так, оценивая эстетические впечатления современных детей и юношества, мы должны всегда принимать в соображение, что перед нами поколения, воспринявшие в годы наибольшей впечатлительности потрясения и переживания, внесенные в жизнь идущей мировой войной, катастрофой, по размерам и проявлениям небывалой в истории.

За примерами коллизий в душе детей наших дней не нужно далеко идти, остановимся хотя бы на следующем: все мы, поколение родителей, помним какое впечатление производил на нас в отроческие годы Анчар Пушкина; как живо мы чувствовали, что только владыка—темный дикарь и только—раба мог послать к Анчару властным взглядом, мог велеть напитать ядом свои послушливые стрелы и с ними гибель разослать к соседям в чуждые пределы. Для нас, поколения отцов, эта жестокость была чертой пережитого дикого некультурного прошлого. Для детей 20-го века, переживших военные операции с удушливыми газами, струями горючих жидкостей... Не покажется ли им владыка дикарь со своими ядовитыми стрелами лишь неучем, воевавшим с негодными средствами? Сколько возможностей для коллизий представляет сама текущая жизнь, проходящая пред детьми кинематографической лентой с трагическими образами и событиями российской революции.

А чистая детская и юношеская душа требует для своего роста категорического императива. Где и в чем его искать?

Будем сами помнить и постараемся дать детям возможность чувством понять, что в наше время, как и во времена библейские, путь в землю обетованную—грядущее лучшее будущее—указуется двумя столпами: «Господь шел пред ними днем в столпе облачном, показывая им путь, а ночью—в столпе огненном светя им, дабы идти им и днем и ночью». (Исх. гл. 13 ст. 12). Для нас взрослых—столп облачный, знаменующий атмосферу, насыщенную злобами дня; для детей наших—столп огненный, горящий священным пламенем высших идеалов и вечных истин. Для нас взрослых—медленное движение, затрудненное политической и экономической борьбой, противоречивыми указаниями науки, неподведенными итогами цыфрам и фактам текущей жизни... Для детей бодрое шествование по освещенной общечеловеческими идеалами дороге. Другого светоча для них быть не может.

Перехожу к оценке глубокого основания противоречивости в образах и фактическом материале детской литературы, кроме

причин мною уже указанных выше. Оно заключается в следующем: в течение веков народами, исповедывавшими христианство, земная жизнь представлялась лишь временем испытания, лишь переходом к жизни потусторонней — небесной. На пространстве веков уже культурного существования человечества для всех, страдавших от бедствий, гнета и всяческих несовершенств земной жизни, могущественным утешителем и коррективом являлась вера в награду на небе и не менее сильная вера к кару для виновников страданий и зла. Все художественные памятники той эпохи громко свидетельствуют о силе этих верований. Достаточно вспомнить об изваяниях на фасадах готических соборов Европы, о картинах Страшного Суда Микель-Анжело и других великих художников до изображений той же темы на лубочных народных картинах, имевших до недавнего времени такое широкое распространение. Мы не можем не сознавать, что теперь это воззрение утратило прежнее значение; во всей мировой жизни человечества сказывается неуклонное и все растущее тяготение к земному. Нельзя усматривать в этом измену старым заветам,—падение. Нужно взглянуть глубже. В этом неоспоримом явлении современной жизни нужно видеть знамение времени, не падение, а достижение, результат совершившейся эволюции. Место этому достижению указано давно в христианских верованиях, в словах молитвы—Да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли.—И теперь жизнь властно говорит нам, что настало время для осуществления этого чаяния на земле медленного, мучительного, но неуклонного.

Совершившийся сдвиг в сторону земного благополучия уже сказался в явлениях социальной и государственной жизни: в колоссальном росте значения денег, капитала, в росте и творчестве технической деятельности, в пробудившейся в людях всех общественных классов жажде пользоваться благами культурной жизни, как материальными, так и духовными. Все это сказалось и в жизни детей. Под этим углом зрения на жизнь, на ее блага и цели воспринимаются и будут восприниматься поколениями детей 20-го века все впечатления бытия. В этом направлении должно совершаться и наше воспитательное руководительство.

Совершившимся сдвигом человечество поставлено лицом к лицу с необходимостью, с проблемой гармонически сочетать свою жажду земного благополучия с теми идеалами, во имя которых в течение веков это благополучие, как греховное, как вожделение низменное, отвергалось лучшими представителями человечества. Как отразился этот конфликт в мировой душе челове-

чества—в художественной литературе? Не нарушена ли им преемственность в создаваемых ею идеальных образах? Для наших воспитательных задач нам необходимо себе это выяснить.

Такой пересмотр произведений литературы—работа большая и сложная, для большинства из нас непосильная, сделаем ее хотя бы в минимальном размере в одной из частей целаго, а именно просмотрим по материалу, составляющему современную детскую литературу, какую либо тему, занимавшую человечество на всем протяжении его исторической жизни. Остановим свой выбор на теме о значении богатства, бедности и труда в человеческой жизни, с такою яркостью и определенностью выразившейся в мировом художественном творчестве.

На первый взгляд кажется, что тема эта не детская, что в необходимой для нашей задачи полноте и глубине она не могла войти в литературу для детей... Так кажется, но стоит только затронуть ее в сказке, сказании, легенде в детской аудитории, что бы убедиться, какую она находит подготовленную почву в детских душах для своего восприятия, какое вызывает внимание и оживление. Да, тема старая и в то же время современнейшая из современных. Она горит ярким пламенем в столпе огненном, ведущем наших детей и стоит для нас взрослых в столпе облачном символической уродливой двойной фигурой, подобной Сиамским близнецам, имя которым Труд и Капитал, стоит угрожающая, заграждая нам путь в землю обетованную лучшаго будущаго.

Для намеченного нами обозрения остановимся лишь на самом главном, на чертах и образах, могущих служить вехами на пути эволюции культурной жизни. Начнем с древнейшего литературнаго памятника, знакомаго детям—с образов Библии. Значение труда во всей дальнейшей жизни человечества выражено ясно определенно уже во 2-ой главе словами: „И взял Господь Бог человека, которого создал, и поселил его в саду Эдемском, что бы возделывать и охранять его". (Кн. Бытия гл. 2 ст. 15). Но слова эти проходили и проходят незамеченными. Они заслонены от внимания людей гневным возгласом Иеговы после грехопадения Адама: «Проклята земля за тебя... со скорбию будешь питаться от нея во все дни живота твоего»—звучащими и до наших дней не как веление Бога, разума и совести, а как проклятие. Дальше по библейским сказаниям труд земледельцев—скотоводов Авеля, Иакова и др. получает благословение Иеговы; пастух Давид помазывается по Его повелению на царствование над народом Израильским. Что касается темы о богатстве, богача, обладателя золота, денег, мы не находим в галлерее ярких законченных библейских обра-

зов, также как и образов нуждающихся, голодных,—рабов подневольного труда.

Художественный материал Нового Завета отражает эпоху более поздней социальной и государственной жизни. Ни какой другой литературный памятник не дает детям более ярких образов и более глубокого этического обоснования теме о богатстве, бедности и труде, чем Евангелие. Притчи, заповеди блаженства, сравнения и уподобления в проповедй Христа, пример Его личной трудовой жизни, а также избранных им учеников—все это, выраженное так сильно словом с неменьшей силой было воспроизведено в живописи, в скульптуре, в творениях величайших мастеров и в наивно-трогательных изображениях народных лубочных картин, оставляло неизгладимое впечатление.

Жития мучеников первых веков христианства, легенды, исторические повести из той же эпохи дают яркие картины римской жизни утопающих в роскоши патрициев богачей и страданий от бесправия и унижения рабов, носителей труда, которые лишь в общинах гонимых христиан чувствуют себя людьми, более того—братьями своих господ. Весь этот материал читается детьми и юношеством с величайшим интересом и увлечением. Лишь у немногих из читателей он вызывает мучительные душевные переживания, подобные тем, которые переживались Алешей Карамазовым; большинство успокаивается сознанием, что это было давно, в условиях уже миновавшей исторической жизни.

Резко-парадоксально для детей наших дней звучит легенда Два Брата и Золото в пересказѣ Л. Толстого. Она вошла в детскую литературу, но дети ее не понимают, а юношество и не понимает и не останавливает на ней своего внимания. Это наша вина, вина руководителей чтением. Легенда ставит в верном и для нашего времени освещении этическое и экономическое значение богатства (капитала) и труда. Немногих указаний с нашей стороны для раз'яснения архаических образов было бы достаточно, чтобы вызвать в читателях живой интерес к теме легенды, сохранивший такой глубокий смысл и для нашей жизни.

Эпоха Средних Веков так же определенно и красноречиво говорит в художественной литературе о мощи богатства, как в обладании отдельных личностей, так и целых сословий, не оставляя сомнения в неправедности средств, которыми оно добыто. Всем знакомы образы Епископа Гатона, Шейлока, Скупого Рыцаря (Пушкина). Об отношении народного сознания, народной совести к этой теме трогательно свидетельствуют легенды о Франциске Ассизском. Сам Франциск является пред нами дополнением еван-

гельского образа богатого юноши, словно вышедшего из толпы восторженно слушающих Христа. И этот Франциск, упоенный любовию ко всему живому, ко всему Божиему миру, находит возможным взять для себя из жизни людей ему современной лишь труд и служение «Святой Госпоже нашей Бедности». О том же неприятии мира, в котором царят насилие над слабыми, алчность, служение грубым страстям, говорят сказания о Рыцарях Круглого Стола Короля Артура, образы—Ланцелота и Парсиваля. Обаяние этих идеальных героев велико, но спросите задумавшихся над ними юных читателей, над чем они задумались, и услышите—да, хороши они,—но то время прошло. Продолжим их мысль и мы должны будем себе сказать: идеал остался, но он должен быть воплощен в иную форму, поставлен в другую обстановку человеческой жизни, близкую нам.

На пути обозревания темы о богатстве, бедности и труде мы от Средних Веков до наших дней должны пройти области европейского сказочного народного творчества, так широко и так неразборчиво использованного в книгах для детей.

Для преследуемой нами задачи достаточно будет остановиться на том богатом материале, который представляют сборники Братьев Гриммов и А. Н. Афанасьева. Сказочный мир старых народных сказок должен, казалось бы, переносить читателя в область далекого прошлого, безвозвратно минувшего. Но стоит только окунуться в эту сказочную старину, чтобы почувствовать себя не в прошлом, а в стране будущего, чтобы почувствовать всю привлекательную силу вечно юных идеалов. И вот в чем их чарующее значение: в жизни сказки пред нами на первом плане человек в ореоле его естественных прав и высших человеческих свойств, человек свободный, находящийся вне сословных и классовых заграждений. Королевич, свинопас, подмастерье, Иван Царевич, крестьянский сын Иван—Дурак, королевна, царевна, золушка, дурочка, падчерица, гусятница—все прежде всего люди, пред которыми равно открыт путь для достижения идеальных целей. И все эти герои и героини одинаковы готовы и на доблестные подвиги, сопряженные с смертельной опасностью, и на труд самый тяжелый и черный на пути к поставленной себе не своекорыстной цели. Нет здесь в сказачном мире обреченных на безысходное страдание и унижение, всех ждет избавление, безобидное для других благоденствие. Бедствия и страдание лишь удел тех, которых они постигают как кара за причиненное другим людям зло.

В числе излюбленных сказочных героев нет корыстолюбцев, охотников до наживы. Богатство личное, как дар свыше, незави-

симый от труда, совсем не встречается в старых народных сказках, наиболее распространенных. В больших собраниях сказок, куда вошли и сказки позднейшего периода творчества, упоминается о кладах, о золоте, об искателях этих благ, но даются они в руки не иначе как при содействии темной нечистой силы и приводят обладателей в ад. Презрение и равнодушие к золоту нашего гениального простеца Ивана Дурака одна из основных черт этого образа, подчеркиваемая яркими подробностями во многих сказках.

Жаль уходить из сказочного царства, где победа остается за началом добра и справедливости, и уводить из него детей в жизнь действительности, наполненную поражающими противоречиями, в которой удел большинства людей—безотрадное существование под гнетом труда, нужды и невежества.

Остановимся мимоходом и на том, что высказано, о богатстве народным сознанием в пословицах. Им с поразительной ясностью и глубиной формулируются веления высшей правды, хранимыя в душе совестью, но оно ведает и веления жизни земной будничной, бытовой,—мучительно дает чувствовать глубокое противоречие в велениях этих двух законодателей и бросает в гущу жизни крылатое слово об этом противоречии:

Деньги—крылья.
Денежка не Бог, а полбога есть.
Что милее ста рублей. Двести.
На деньгах знаку нет, не узнаешь как и кем нажиты.

Знака нет, но совесть этим не обманешь и оценку источников богатства пословицы дают следующую:

Пусти душу в ад, будешь богат.
Копил, копил, да черта и купил.
От трудов праведных не наживешь палат каменных.

Неоценимым вкладом всемирной литературы в литературу для детей периода времени, следовавшим за средними веками является повесть «Робинзон» Дефо. Это бесспорно самая популярная книга из обращающихся в руках детей всего мира. Мы, взрослые, помним ее содержание по воспоминаниям детства, но помним главным образом анекдотическую часть фабулы: смешную одежду и зонтик Робинзона, хозяйственную обстановку его пустынно, жительства, приезд дикарей-людоедов и милого черномазого Пятницу. Но идейная сторона произведения не удерживается в нашей памяти. Она остается не прочувствованной за редкими исключениями и большинством читателей детей, благодаря неверной передаче подлинника в пересказах для них. А между тем, нет во всемирной литературе другого произведения, которое с такой гениаль-

ной простотой, с такой пламенной убедительностью говорило бы о значении труда в жизни индивидуальной и коллективной, о тщете денежного имущества, о значении личной собственности, служащей базисом, на котором выростают все уродливости социального строя, стоящие в таком противоречии с идеальными требованиями Христианского учения.

Рядом с Робинзоном встает в памяти образ идеалиста Дон-Кихота. Но это произведение только по непростительному недомыслию взрослых попало в число книг для детей не только старшего, но даже и в издания для младшего возраста. Нас подкупает то, что дети хохочут над странностями и чудачествами смешного рыцаря, но следует задуматься над тем, не мешает ли такое раннее знакомство с Дон-Кихотом верной оценке его позже— в годы юности, не будет ли утрачена вообще, возможность восприятия образа Дон-Кихота, как великого символа «трагикомедии человеческого существования, непрерывно колеблющегося между идеалом и действительностью».

С изменением экономических условий на пути от средневековья к нашему времени источники богатства, средства к личному обогащению уходят куда-то вглубь социальной жизни, перестают быть общеизвестными, легко поддающимися наблюдению и нравственной оценке, как то было раньше. Богач делается фигурой будничной, бытовой, процесс обогащения утрачивает элемент, трагизма, тяготение к земным благам, к довольству, к богатству неуклонно растет. Прежняя многовековая связь между образами Богача и Лазаря, между понятиями о неправедности, преступности богатства и святости бедности кажется навсегда порванною. Став видным явлением в современной культурной жизни миллионер, а за ним мульти миллионер, миллиардер занимают видное и прочное место в романах известных писателей. И кто станет отрицать твердую позицию этих фигур в текущей мировой жизни, в роли двигателей промышленности, творцов новых отраслей ее, меценатов, респектабельных чудаков-самодуров, привлекательных прожигателей жизни.

Вошли богачи и в литературу для детей в не менее привлекательном виде, чем в литературу для взрослых. Назову только наиболее известное: повести Бернет—«История маленького Лорда и Маленькая принцесса», «Маленький Миллионер» Мооди. «Смелые Мореплаватели» Киплинга. Литературныя достоинства этих произведений неоспоримы. Герои очерчены ярко, являются носителями качеств, привлекающих к ним юные сердца. И все эти произведения вселяют, не могут не вселять, глубокую веру в силу,

могущество денег, в возможности, которыми обладают только миллионеры.

Входит ли культивирование такого чувства к деньгам, богатству в нашу воспитательную программу? Решится ли кто-либо возвести фигуру современного миллионера на степень образа идеального? Такого образа мы не находим в мировой художественной литературе. Истинно художественное литературное творчество в трактовании темы о богатстве и бедности остается на прежней позиции. Оно отдает столько же внимания психологическому анализу обогатившихся и стремящихся к обогащению, сколько и оценке процесса обогащения на судьбе тех, которые являются жертвами этого явления. Лирика поэтов всех стран, романы и повести как русских, так и иностранных писателей—художников содержат целый мартиролог страданий нуждающихся, истощенных чрезмерным трудом, страданий униженных и оскорбленных как взрослых, так и детей. Лучшие страницы этого мартиролога включаются нами в детскую литературу, вносятся в хрестоматии для классного чтения.

Изображение страданий детей бедняков, тружеников сверстников читателей, наполняет и специальную литературу, для детей написанную. Что же достигается этим, что дает этим художественная литература как учительница жизни? Она потрясает нервы детей, вызывает сильные переживания—активность, желание помочь, вступиться... А где и как может быть приложима эта активность? В милостыне, в пожертвованиях... Этого недостаточно, да это и не удовлетворяет детей.

В результате у одних—грусть, потеря бодрой любви к жизни; у других—пробуждение инстинкта самосохранения—эгоизма, страха бедности, желания во что бы то ни стало стать в положение имущих, сильных, властвующих. Оба исхода одинаково нежелательны. Неужели нет иного выхода, иных образов у мировой литературы, которые окрыляли бы души юношей, дали бы здоровый импульс активности? Продолжим наш обзор.

После Робинзона по силе оставляемого впечатления и оказываемого воздействия Хижина Дяди Тома является самым значительным даром общей литературы. С начала 19-го века творчество величайших писателей все менее и менее дает материала, доступного для чтения детей и юношества. Мысль наша редко останавливается на этом выводе и он требует подтверждения. Полный перечень имен известных писателей художников и названий их произведений занял бы слишком много места и времени. Достаточно будет назвать лишь некоторых из них.

Что возьмем мы для детей и юношества у Гете, Байрона, Щелли, Бальзака, Жорж Занд, Флобера, Золя, Мопасана, Анатоля Франса, Ибсена, Гауптмана, Достоевского, Чехова, Горького... Ничего или почти ничего, или очень немного. Чем об'ясняется эта бедность литературного богатства в период столь интенсивного художественного творчества? Тем, что оно всецело ушло на решение проблем индивидуальной и коллективной человеческой жизни, проблем, которые никогда еще не ставились мировому художественному сознанию в такой сложности и в таком объеме.

Авторы ушли в глубь психологического анализа мучительного незавершенного, в область, куда за ними не может последовать детская и отроческая душа. Только Диккенс по общему признанию выделен из сонма больших писателей 19-го века как художник, в главных и лучших своих произведениях вполне доступный не только юношеству, но и детям старшего возраста. А сами читатели эти относятся к Диккенсу различно: одни—зачитываются им и навсегда забирают в душу образы людей, с которыми их познакомил любимый автор; другие—совсем не могут одолеть длинных романов Диккенса, читают лишь их по внушению взрослых и ничего из них повидимому не выносят.

Чуткой душе первых Диккенс дает то, о чем свидетельствуют и Короленко и Горький по воспоминаниям своих детских лет—свою горячую, здоровую любовь к людям, ко всем людям, самым незаметным,—свое уважение к человеческому достоинству людей, самых маленьких, на первый взгляд ничтожных. Читателей, которые не смогли заразиться у Диккенса любовью к людям, не заинтересовались вереницею образов людей всех сортов и общественных положений, им созданных, тех, думается мне, оттолкнуло изображение жизни чужой, уже прошлой, оставило неудовлетворенными отсутствие героя, которым они могли бы увлечься, увлечься до стремления пойти по его стопам. Таких героев для нашего времени у Диккенса читатели действительно найти не могут. И мы должны признать за ними право желать найти, стремиться найти его в произведениях других писателей.

Такой же популярностью и общей симпатией как Диккенс пользуются у воспитателей Андерсен. Сказки его также усердно предлагаются ими детям, как и романы Диккенса и к сожалению попадают в руки детей слишком рано. Символическое значение большей части лучших сказок проходит незамеченным и непонятным читателями, остается кое-что из образов фабулы сказки. Сказки, как уже известное, вновь уже не перечитываются в юношеские годы, когда именно и следовало бы впервые знакомиться

с ними. Эта ошибка руководителей и Андерсен не является тем учителем жизни, каким должен был бы являться. А ему есть что сказать детям 20-го века.

В поисках идеального юношеского образа нельзя пройти мимо произведений Рабиндранат-Тагора, не остановиться с большим душевным волнением на рассказе его «Странствующий Гость» [1]). Сам автор в немногих строках дает следующую характеристику героя рассказа: «его ум был всегда готов на все, как вечно деятельная природа, он без суеты и напряжения был всегда занят... Он не признавал условностей общественного положения и очень легко приспособлялся ко всякому делу, ко всякой работе». Фабула рассказа не сложна, но факты, сообщаемые ею, полны такого жизненного значения, что душа влечется к созданному художником образу, хочет видеть в нем не мимолетное видение, не «гостя», а—предтечу юношества недалекого будущего. Будет он так же оценен юными читателями? не сомневаюсь, что впечатление он произведет, но сознательно оценить свое отношение к нему смогут немногие и своим героем его не назовут.

В другом сборнике рассказов того же автора «Лунный Серп» он дает в очерках «Мир моего малютки», «Матрос», «Тот берег», «Купец», «Призвание», «Герой», много образов, черт детского характера, детских настроений. Все это полно значения для нас взрослых, но не должно вноситься в литературу для детей.

Для детей всех культурных стран долгое время служили предметом увлечения герои романов Купера, благородные сильные духом и телом вожди краснокожих дикарей. Популярность произведений Купера была так велика, что породила целый ряд писателей подражателей, низведших сюжеты романов Купера до грубых, пошлых изображений уличной литературы, под сотнями различных заглавий выпускавшимися грошевыми книжками немецкими и английскими издателями. И этот род героев уже стал архаизмом, перестал занимать читателей, внимание которых привлечено рыцарями иных, более современных подвигов.

Пришел черед героям Канон-Дойля—Шерлоку-Холмсу, а за ним пошли Нат Пинкертон и другие персонажи современного сыщицкого эпоса. На первый взгляд этот переход кажется непонятным, уродливым... А на самом деле это отпрыск того же здорового корня, потребности в героическом, в подвиге, в активности—уйти из принижающей прозаической повседневности семейной и школьной жизни, созданной нами взрослыми.

---

[1]) Сборник из жизни Бенгалии. Москва. Изд. Португалова.

Дети всеми своими поступками, огорчающими нас, делают только им природой предназначенное и напоминают нам этим непрестанно, что им нужно героическое в жизни и идеал героя во все дни их короткого отроческого бытия. Интересно подошли к теме стремления юношеского возраста проявить себя, свои силы, свои способности к самостоятельной энергической до героизма деятельности два столь различных современных писателя как Киплинг и Джек Лондон. Подошли как-будто с разных точек зрения, но сошлись на одном и том же. И герой Киплинга в повести «Смелые Мореплаватели» и герой Джека Лондона в повести «Беглец», совершив с увлечением и доблестью экскурсию в область трудовой жизни, возвращаются в родную семью американских миллионеров, облагодетельствовав материально своих учителей и руководителей в трудовой экскурсии. О дальнейшей судьбе героев—юношей авторы ничего не говорят читателям. Ярко изображен порыв, но нет настойчивого устремления к идеальной цели.

Дальше подобного же финала не пошел и справедливо прославленный апостол здоровой трудовой жизни в лесах Сетон Томпсон. Создав два идеальных героических образа мальчиков, Яна в повести «Два Маленькие Дикаря» и Рольфа в повести «Рольф в Лесах», автор заканчивает тем, что вводит Рольфа в респектабельную среду американских дельцов. «Прошло двадцать лет, рассказывает автор, Рольф процветал и богател. У него была семья и были средства; лавка и лесопилка работали успешно и маленькие золотые кружечки все прибавлялись через определенные промежутки времени». В дальнейшей картине обычного современного благополучия людей, обладающих золотыми кружечками, для читателей могут пройти незаметными предсмертные слова трагической фигуры краснокожого индейца Квовабы, учителя и товарища детских и юношеских годов Рольфа: «Моя мудрость—мудрость лесов... через несколько лет лесов больше не будет, моя мудрость превратится в глупость. В этой стране есть одна большая сила—торговля, она с'ест все вокруг себя и самих людей». Торжественно пророчески звучат слова гимна Квовабы Великому Духу:

«Отец, сжалься над нами.
Наши голодные души стремятся к тебе
Здесь ничто не может насытить нас.
Отец, мы исполняем твою волю».

Как следует понимать эти заключительные строки повести? Как лебединую песнь вымирающего племени, побежденного культурою белых людей или как выражение пессимизма автора, душа

которого голодает и томится среди всяческого изобилия современной американской жизни? И прежде всего—как поймут это юные читатели? Может ли быть Рольф героем для них? Кто из нас взрослых их об этом спрашивал?

Гениальным провидцем выполнил з ать своим читателям героя полвека тому назад Жюль Верн. Он перенес поле деятельности для трудовой энергии и научной мысли человека из пределов «географически» известного, из пределов достижимого в необ'ятность вселенной, в область утопического, невозможного. Произведения Жюля Верна во время их появления читались с увлечением не только юношеством, но и людьми всех возрастов. Чего стоит одна фигура его капитана Немо! Да, Жюлем Верном были даны герои и героическое. Но мировая жизнь идет быстрым темпом. Отдавая должное Жюлю Верну и уделяя видное место его сочинениям в детских библиотеках, мы уже начинаем ждать преемника ему, чувствуем, что от героев его преемника жизнь для детей потребует большего.

Герои Жюля Верна были индивидуалистами, искателями подвигов и приключений в лучшем смысле этого слова. Герой его преемника, увлеченный задачами, гипотезами открытыми, поставленными человечеству наукою, должен явиться осуществителем творческого труженичества такого, какого еще не видело человечество, но о котором уже мечтает, которого ждет и будет ждать с особенной настойчивостью по окончании войны. Потому что только это трудовое творчество даст возможность человечеству стряхнуть с себя тяжесть ужасов и страданий, оправиться от разрушений и опустошений, внесенных войной в бытовую жизнь всех стран, всех народов. Новые герои должны явиться вождями целых трудовых дружин, составленных из поколений человечества, переросших классовые перегородки, об'единенных общей задачей, сознательно добровольно соединившихся для выполнения равно обязательной для всех трудовой повинности, имеющей целью—благосостояние всех, обеспечение всем людям возможности вести достойное человека существование.

Слова поэта:

И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет? Небо ясно,
Под небом места много всем;
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он... зачем?

понимались современниками Лермонтова и следовавшими за ними поколениями иначе, чем могут и должны пониматься детьми

20-го века. Чтобы неизменно численно растущему человечеству и неуклонно растущим его потребностям «под небом место было всем», место это должно быть завоевано не враждой, не грабительским захватом, а огромным напряжением творческой научной мысли и коллективной трудовой энергии на всем мировом пространстве.

Кто, чей мощный властный голос провозгласит нравственную обязанность этой трудовой повинности? Разве не была она провозглашена тысячелетия тому назад устами Моисея четвертою заповедью Синайского законодательства, повторена учением Христа. Да, была провозглашена, но человечество, недоросшее до понимания глубокого жизненного смысла веления восприняло его как проклятие, как наказание, как унижение, как требование владыки, обращенное к рабам. Только жизненный путь, в течение тысячелетий приведший человечество на культурную ступень 20-го века, привел к уразумению всей необходимости трудовой повинности для коллективной жизни людей и этического значения труда для жизни каждого индивида. Уразумели, но не все: огромная часть человечества еще оценивает участие в труде по-старому—по-рабски.

Но все человечество уже охвачено предчувствием нового отношения к труду,—ожиданием новой мощной трудовой силы. Эта сила—мировая демократия. Она еще в периоде роста и выступит строительницей мировой жизни человечества, лишь став сознательной организованной частью его, приобщившеюся ко всем духовным ценностям, добытым, созданным человечеством на долгом уже пройденном им историческом пути.

Всемогущий инстинкт самосохранения, общий всему живому, выразился в роде человеческом уже на самых первых ступенях коллективной жизни, в стремлении к собственности, к обладанию, к накоплению, к изысканию средств для накопления. Стремление это от времен незапамятных до 20-го века шло, неизменно развиваясь и усиливаясь, благодаря способствовавшим этому движению условиям жизни.

Для защиты и охраны права собственности у всех народов вырабатывалась веками сложная система законов. Из того же инстинкта в ту же незапамятную старину родилось сознание, что накопление совершается на счет других людей, является посягательством на их существование, противоречит основному закону жизни, а потому безнравственно, преступно. Одновременно родившиеся эти два проявления инстинкта самосохранения остались крепко взаимно связанными на всем протяжении жизни челове-

чества. Образы художественной мировой литературы говорят о том, как они изменялись, обгоняли друг друга в росте и развитии. А теперь, в настоящее время? Оба они—и стремление к обладанию, к собственности и сознание несправедливости этого стремления крепкими глубокими корнями держатся в каждом человеке, к какому бы общественному классу он ни принадлежал. Живы оба, но изменились условия жизни. Наука пролила свет на происхождение личной собственности, об'яснила, как осуществляется накопление средств в руках отдельных личностей из ценностей, создаваемых трудом огромного количества людей, ими непользующимися. Народные массы, бессознательно подчинявшиеся эксплуатации, пробудились и требуют для себя то, что приобретается их трудом: в них так же сильно говорит стремление к обладанию. Где выход из этого положения?

Мировая культурная жизнь человечества в своем поступательном движении не остановилась у перекрестка, перед ней—один только путь к лучшему будущему. Понятие о личной собственности, влечение к ней складывалось и выростало в людях на протяжении тысячелетий. Кто скажет, кто определит какой период времени потребуется для того, чтобы отношение к личному обладанию переродилось бы в отношение к обладанию коллективному, обеспечивающему всем людям достойное соответствующее нравственным идеалам и культурным требованиям существование. Одно можно сказать—не столетия: слишком убедительно говорят указания науки нашему разуму, слишком обеспокоено ими наше нравственное чувство, слишком быстро совершается пробуждение трудовых масс к активности в строительстве социальной и государственной жизни.

Еще недавно эти проблемы современной жизни были предметом внимания небольшого числа людей, переживаемый исторический момент сделал их вопросом жизни для всех и прежде всего для тех, кто призван воспитывать подростающие поколения.

Как же выполняет в данный важный исторический момент для нашего юношества свою миссию художественное творчество мировой литературы? Оно не дало ему еще образа героя. А дети не могут ждать. Душа их горит потребностью веры в человека, в человека современника, героя ближайшего будущего. Ощущение энтузиазма для их душевного роста так же необходимо, как воздух для их легких.

Чем же может быть заполнен этот пробел в литературе? Постараемся обратить внимание читателей на материал биографи-

ческий. Гениальный изобретатель Эдиссон, работающий с целой товарищеской дружиной сознательных рабочих, — Микельсен, Шекльтон и сподвижники их несущие невероятно тяжелый труд и подвергающиеся смертельным опасностям ради научных целей,— авиаторы герои пионеры в воздушном океане, куда до них не имел доступа человек,—авиация, которой наступление мира откроет необ'ятное поле для научной и трудовой производительной деятельности,—сознание необходимости овладеть силами и богатствами природы, которые еще не стали достоянием людей, все это—материал и темы, которые при умелом выборе и верной передаче дадут здоровую пищу юношескому энтузиазму и стремлению к интенсивной творческой работе.

Вот в каком направлении идет эволюционное развитие активности и «завоевательных» стремлений человечества. На этот путь должны и мы направить воспитываемых. А художественного образа героя их времени нашим детям и юношеству придется подождать. Близость рождения его уже чувствуется в настроениях мирового творчества.

А. Калмыкова.